

Экстерны

Вот теперь тебя люблю я,

Вот теперь тебя хвалю я,

Наконец-то ты, debil,

замдекана угодил.

(из студенческого фольклора)

– Ты уверен? – заместитель декана вздохнул.

– Иван Андреич, вот так надо, – я резанул ребром ладони по горлу. – А через год вернусь, с новым опытом, и все сдам. Может быть, даже экстерном.

– Ладно, – он сгреб мое заявление на академический отпуск, – иди. Экстерном, – ворчал он. – А ты в курсе, что половина таких, вроде тебя, из академки не возвращается? Вольные хлеба затягивают. А потом покупают дипломы. Альма-матер позорят...

Позорить ВУЗ я не хотел. Я решил подработать, а заодно и попрактиковаться. Трех курсов фотофакультета, по моим прикидкам, должно было хватить.

Проблемы начались после того, как сломался фотоаппарат. Денег на новый, естественно, не было, но случилось чудо. Я заглянул в комиссионку на Некрасова. Эта лавочка торговала подержанной аппаратурой. Неизвестно как там оказался выдавший виды профессиональный «Никон». Цена была значительно ниже, чем ожидалось за такой приличный аппарат. И я его купил, еще и получив от хозяина скидку.

Взялся за работу, и тут начались странности.

Сперва я рассорился со знакомым, для которого снимал свадьбу. На одной из фотографий вокруг молодоженов красивым кольцом кружились тени предметов: силуэты чашек и кастрюль, вазы, тарелки. И даже уют.

Приятелю я, конечно, не стал ее показывать, отдав те, что выглядели пристойно. Но он как-то зашел ко мне и увидел снимок.

Кореш желчно заметил, что фабрика слухов работает безотказно. Они с женой, и правда, живут как кошка с собакой, и летающими тарелками его не удивишь. Но от меня он такой подлянки не ожидал, и этот глумливый коллаж считает бестактным. На мою попытку объяснить, что я ничего не монтировал, было ядовитое «ну-ну» и стук захлопнутой

снаружи двери.

Потом я напросился делать серию снимков одной гостиницы на Садовой. Хозяин построил ее на месте бывших меблированных комнат, сгоревших лет сто назад.

Парочка фотографий опять оказалась испорчена. На переднем плане, заслоняя хозяина отеля, стояла пожилая женщина с обрюзгшим лицом. Губы ее были поджаты, руки скрещены на груди.

В приватной беседе я показал снимок распорядителю, спросив, не знает ли он эту даму. Тот пожал плечами, но спустя день перезвонил мне, и сказал, что профессионалу неэтично забивать голову клиентам дешевыми розыгрышами.

Женщина оказалась прежней владелицей гостиницы, погибшей в пожаре век назад. Ее портрет нашелся в газетных подшивках, репринты которых новый владелец заботливо собирал. А мне сообщили, что больше в моих услугах не нуждаются.

Все это окончательно мне разонравилось после съемок в салоне красоты. Администратором в нем работала такая девушка!

Русалочья грация. Длинные ресницы. Глаза распахивались – и вас окатывало зеленоватыми водами бездны. Светлые волосы отливали изумрудом, когда на них попадал свет вмонтированного в стену аквариума. Прекрасная, как... но я отвлекся.

На фотографии у барышни из-под стойки торчал чешуйчатый хвост.

Я тарашился на жутковатый снимок, гадая, какой дефект оптики заставил пришпилить красотке несвойственную ей деталь анатомии, когда она вошла в кафе, где я назначил ей встречу, и заглянула мне через плечо. Был скандал. Не хочу о нем вспоминать.

Я продолжал снимать невест и первоклассников, получая за это свою монетку. Но, храня в сердце верность Альма-матер, не забывал о практике. Жанр – уличная фотография – был данью родному ВУЗу и отдушиной после парадных фото.

Мы с «Никоном» вышли на улицы Питера. Ох, и не в добрый час. О тайной жизни города я узнал столько...

Старуха с одышливым мопсом на поводке, я точно помню, с мопсом, на снимке вела на посеребренной цепочке упитанного ящера.

Мрачный ДПСник в форме, которого я щелкнул из окошка такси, на фотографии был закутан по самую макушку в темный плащ, а мертвенно-белое, цвета земляной личинки,

лицо его оканчивалось мутным слоновым хоботом.

Казалось, я схожу с ума. Мальчишки-серферы с Дворцовой, которых я долго подлавливал в моменты их зубодробительных трюков, на снимке вышли вовсе без досок. Зато с крыльями. Остроконечные уши и раскосые глаза делали их похожими на летучих мышей.

Черт подери совсем, я даже снял эрмитов! Всегда считая их вымыслом – детская сказка о маленьких человечках, живущих в старинных музеях – я видел их! Или очень похожих. Крохотные, будто гномы, в атласных кафтанах. Один щеточкой надраивал ноготь большого пальца атланта, а другой, рыжий, показывал мне язык.

– Ты спятил, – заключил один мой коллега, глядя на снимки. – Эти игры с фотошопом ведут в никуда. Разве что Гриша Григорян умеет, но – четко дозируя долю абсурда. И то, если поймали с поличным, немедленно удаляет карточки из сети. Но при этом виртуозно снимает настоящий жанр. На то он и Григорян. А ты – завязывай, мистификатор хренов!..

Я проводил друга. Возникла мысль сделать автопортрет. Пуркуа бы, собственно, не па? Может, узнаю о себе что-то новое. Не отказался бы от парочки крыльев, да и чуть перекошенный нимб был бы весьма к лицу.

Перед зеркалом сделал несколько снимков. Результат разочаровал: ни тебе крыльев, ни рогов и копыт. Слил фото в компьютер и решил разглядеть внимательней.

С помещением было что-то не так. Держа в руках распечатку, встал лицом к комнате. На снимке, прямо у меня за спиной, была дверь. А в реальности – глухая стена, с обоями цвета беж, которые я сам и клеил.

Я подошел и погладил ладонью поверхность.

На стене проступили контуры. Дверь. Без ручки. Неизвестно куда. Я толкнул вперед, и она подалась.

Я шагнул. Не спрашивайте, зачем.

С фотоаппаратом на шее и в домашних шлепанцах. Без звонка другу и предсмертной записки. Когда вы начинаете видеть невидимое, чувство опасности слегка размывается.

Считайте меня идиотом, но я вошел.

И дверь за мной немедля захлопнулась.

Я оказался в храме, в одной из боковых ниш близ алтаря. Сквозь высокие окна било солнце. Горели факелы и свечи. В духоте плыл сладковатый запах.

Шла месса. Бледные не улыбающиеся люди стояли около гроба и слушали священника. Слова гулко разносились под стрельчатыми сводами.

Кто-то взял меня за локоть и сказал недовольно:

– Слишком долго мне пришлось вызывать вас. Приступайте!

Рядом со мной стоял тип в серой сутане. Брезгливая мина и жидкие волосы напомнили мне препода по философии.

Вызывать? Ага. Вот по чьей милости я тут. Интересно, к чему приступать? Пока я соображал, собеседник произнес:

– Вот ваша плата, – и протянул кожаный кошель.

Я молчал. Пауза затягивалась. Губы собеседника изогнулись:

– А вы немногословны. Возможно, вас интересует собственная безопасность?

Я кивнул. Не то, чтобы понял, что от меня требуется, но безопасность – да, она весьма меня интересовала. Особенно сохранность собственного рассудка.

– Сделаете дело, и вас доставят в безопасное место.

Я кивнул.

– Ну же! – поторопил меня серый.

Дальше сработал автопилот. Я потянулся к фотоаппарату. Серый удовлетворенно кивнул. Он хочет этого?!

Я сделал несколько кадров и хотел подойти ближе, но новый знакомец меня остановил:

– Не нужно, чтобы вас видели.

Так. А дальше – что? Сейчас он протянет мне флешку, я солью картинки и уйду обратно, сквозь стену в тапочках в родные пределы? Чтоб потянуть время, я перевел фотоаппарат в режим просмотра и вскрикнул от изумления. Скорбная месса преобразилась.

Прихожане и монахи остались прежними. А вот центральные фигуры изменились до неузнаваемости. Они стояли у гроба: двухголовый карлик в комбинезоне и существо, напомнившее мне ДПСника с Московского: высокая фигура в темном, с белым лицом и хоботом. Третьей была миниатюрная девушка-нежить. Мертвенно-белая кожа, черные

волосы и ярко-алый рот делали ее похожей на готическую сувенирную куклу.

Нелепые разноцветные колпаки, как у малышей на днях рождения, венчали их головы. В руках у существ были кубки.

Покойник выглядел совсем по-человечески. Разве что возмутительно живым: сидел, свесив ноги, на крышке гроба, и глядел по сторонам с веселым любопытством. В руке была пузатая бутылка. Я решил почему-то, что это ром.

Оторвал глаза от снимка и взглянул на прихожан. Мирная картина: скорбящие, монахи. На коленях возле гроба молилась старушка.

– Ну?! – нетерпеливо дернул меня собеседник, – что?

Я навел фотоаппарат на него. Тот вцепился руками в кулон, висящий на шее, и что-то зашептал на птичьем языке. Кстати, озарило меня, как это я до сих пор понимал, что он мне говорит?..

– Так не пойдет, – прошипел серый. – Делайте свое дело, а в мое – не лезьте! – и спросил: – Они... здесь?..

Я кивнул, поняв, наконец, что от меня требуется.

– Которые? – его ноздри раздулись.

Я медлил. Почему я должен говорить? На фига мне этот кошель, если я даже не знаю, как выбираться отсюда? И что сделали мне эти твари, кем бы они ни были?

– Говорите, – серый переводил взгляд с одного на другого в зале, словно пытаюсь увидеть то, что открылось мне. Несколько стражников из соседней ниши не спускали с него глаз, ожидая сигнала.

Я сделал еще кадр. То, что увидел, мне не понравилось: девушка-нежить стояла, глядя в толпу. Белесые нити тянулись от ее поднятых рук к прихожанам, опутывая их, как паутина. Я поднял голову и увидел, как нахмурились лица, и заплакала женщина в первом ряду. Это решило дело.

Поднял руку и стал показывать:

– Этот. Старуха у гроба. Вояка в первом ряду...

Серый кивал, будто и сам подозревал именно их. Стражники бесшумно двигались по залу.

– Все? – переспросил меня серый. Я кивнул.

– Большое спасибо, – сказал он с чувством, и в мозгу у меня взорвался контейнер с

конфетти. Я потерял сознание.

Очнулся от холода. Лежал на каменном полу, в нос било кислятиной. Шишка на затылке пульсировала, голова звенела от боли.

Голос сверху вещал:

– Таким образом, самым безопасным местом в нашем герцогстве является именно эта темница. Вход замурован. Пища и еда буду исправно доставляться. Можете быть совершенно спокойны.

Я дополз до соломенного матраса и опять отрубился. Проснулся, будто толкнул кто. Так бывает, когда среди ночи вскакиваешь от стука собственного сердца, а через секунду звонит телефон. Саднило бок. Оказалось, все это время я спал на злополучном «Никоне».

Жидкий свет сочился в окошко. Клетчатая амбразура в тесной каменной комнате, с толстыми стенами и потолком, который вот-вот опустится на тебя, как в старой книжке Эдгара По, вытеснит воздух, и... я готов был заорать от подступающего удушья.

Клаустрофобия, как и было сказано выше.

Голова гудела. Интересно, чем меня приложили? камнем? Палицей? – я размышлял над этим чисто теоретически, как вдруг понял, что в комнате не один.

На противоположной стене появилась клякса. Она росла, принимая символические очертания: ручки-ножки-огуречик, вот и вышел... стоп, а это что?

Хобот.

Клякса налилась объемом и отлипла от стены.

– Привет, – сказала черное существо с хоботом, один из той веселой компании в храме, и подмигнуло: – Попался! Сейчас мы тебя резать будем.

– Мы? – переспросил я, почему-то больше озаботившись этим «мы», чем гораздо менее симпатичным «резать».

Еще на первом курсе мне говорили, что я неверноставляю приоритеты.

– Мы, – трубно высморкалось существо, – я – Никодим, и мои товарищи.

На стене наливалась еще одна клякса.

В полном ступоре я наблюдал, как за Никодимом появились остальные: бледная девочка-нежить и двухголовый карлик с сигарой. Головы по очереди пускали в потолок кольца дыма.

– Сволочь, – сказала девочка и сплюнула мне на тапок. Слюна зашипела и стала медленно прожигать на ткани дыру.

– Ло-пу-шок, – карлик потрепал меня по щеке, – ну здравствуй.

Я молчал. Интересно, знал ли серый инквизитор, что мои соседи умеют ходить сквозь стены?

– Я бы, – мечтательно сказала девушка, – засунула его в бочку с соленой водой, – она закатила глаза, – и пускала туда рыбок. Маа-леньких таких. Сперва одну, потом другую...

– Ты про платиновые зубки? – уточник карлик. Обе головы вещали хором, синхронно открывая рты. В гулком каменном мешке такая речь давала необычный стереоэффект, – ага. Хорошее дело. За восемь часов остается скелет. При абсолютно целой, заметь, голове. Далее – бальзамирующий раствор великого дерева Цы, пятнадцать золотых за унцию, работа полировщика – еще три, гранатовая тиара, подделка, разумеется – сторгуюсь за полторы, и – вуаля! Арт-объект: голова принца Гор на белоснежном скелете. Безумный Фил для Заснеженной Галереи с руками оторвет. Отвалит не меньше пятисот. Итого навару...– головы зашевелили губами, подсчитывая.

– Или вот, например, – мецианские кровососы, – начала девушка, обращаясь к карлику. Они заулыбались так мечтательно, словно мысль о мецианских кровососах была самым сладостным из общих воспоминаний.

– Эээ... граждане, – начал я, – может, вы потом решите, как телом распорядиться? Уже без меня?..

– Ты куда-то торопишься? – она прищурилась, – А мы – нет....

– Слышь, Магда, а если отдать его малютке Ли на верейскую кухню? – хором предложили головы, – за такой подгон она будет кормить нас до самой смерти!

– Тебе лишь бы пожрать, – возмутилась его готическая спутница, – никакой любви к искусству! Вот есть у меня знакомый таксидермист...

– Харе резвится, – осадил друзей Никодим. – Думаете, он сейчас лапы от ужаса склеит?

– Не дождетесь, – буркнул я и спросил: – Кстати, а где покойник?

– Надо же, заметил, – проворчал карлик.

– Он улетел, – лицо Магды стало мечтательным.

– Но обещал вернуться? – уточнил я.

Все почему-то заржали.

– Зря ты его не сдал, братишка, – доверительно сказал Никодим. – Сейчас бы все вместе домой рванули. И бабла, глядишь, побольше б срубил. Сколько там Морт за нас отсыпал? Тут твои тридцать серебряников?

Только сейчас я заметил, что на полу валяется кошель. Надо же, не отобрали. Карлик ловко развязал тесемки и высыпал содержимое.

– Двадцать семь золотых. Круто. Я даже сам себя зауважал...

– Короче, – скомандовал Никодим, – валим отсюда. Открывай и – ходу. После поговорим. А план хорош, одобряю. Этих монет хватит на приличную пирушку.

Они встали вокруг, отчего я почувствовал себя неуютно.

– Ну?! – рявкнул в две глотки карлик, – оглох, что ли? Поехали!

– Куда? – осторожно спросил я, и поинтересовался на всякий случай: – и на чем?

– Ты чё, заигрался, типа? – немедленно вызверился карлик. – В несознанку пошел?! Дык я тебе напомним! – обе головы покраснели, кулаки сжались.

– Братишка, – сказал Никодим, – заканчивай клоунаду. Порезвились и будет. Валим отсюда. У меня, знаешь ли, аллергия на плесень. Заводи шарманку, Евдоким.

– Кк-какой Евдоким? – опешил я.

– Ну хватит уже, – скучливо закатив глаза, ответил хоботастый. – Затянулась шутка. Снимай эту морду, тут все свои. Пива, как я понял, ты не принес? Хорошо хоть, Проявитель достал. За это, брат, тебе наш респект и уважуха. И бабло мортово пригодится. Да снимай личину, сказал, – и он сделал в мою сторону сложный жест.

В носу защекотало, и я чихнул. Кроме этого, ничего не случилось.

– Это. Не. Евдоким, – раздельно произнес он после паузы. – Где мой брат, падла? – и схватил меня за грудки.

Я не успел ответить. По уважительной причине. Меня взяли за горло и затрясли. Ноги болтались, не доставая земли, а голова стучала о стену. Попробуйте сами общаться в таких условиях.

– Не знаю, – прохрипел я.

– Ти-хо! – рявкнула вдруг девушка, да так, что Никодим опустил хобот и вернул меня на пол. – Дайте мне!

– Дружок, – сказала она ласково и заглянула в душу алыми, без зрачков, глазами. –

Дружок. Если ты не Евдоким, то ты вообще кто? И откуда?

– Витя. Студент. Из Питера, – после шейкера слова с трудом выходили из горла.

Компания переглянулась.

– А Евдоким?.. – начал было карлик, но Магда на него цыкнула.

– Повтори это еще раз, – сказала она.

– Витя. Питер. Петербург, – торопливо сказал я и почему-то добавил: – Ленинград. Петроград.

– Пет-ро-град, – повторила она, не спуская с меня глаз. И вдруг запела. По-русски. Я не отвечу вам, какой язык мои гости использовали до того и почему я их понимал. Хотя догадка на это счет у меня появилась.

Девушка пела, с трудом вспоминая слова:

– Их-ябло-чка-ку-да-котишься-пат-клеш-папа-дешь-не-воро-тишься.

Бледное личико стало мечтательным. Она сказала:

– Девять сезонов назад я была у них в одной заварушке. Я тогда была э-ман-си-пэ, – вспоминала она, – курила па-хи-то-ску, а потом, в перестрелке...

И, сама себя перебив, спросила:

– У вас там мумию еще в зиккурат на главной площади упаковали, ага?

– Это в Москве, – сознался я. – А я из Питера. Из Петрограда.

– Петрограда, – протянула она и вдруг оживилась:

– А Сережа? Сереженька, золотой, кудрявый, и ресторан на площади у собора.

Поэт...

– Помер, – жалостливо сказал я, – то ли сам, то ли убили. Есть разные мнения...

Нежить расстроилась:

– Гниды, – выплюнула она, – суки белобрюхие.

– Так, – сказал Никодим. – Завязывай вечер воспоминаний! Давай-ка, мил человек, по порядку. Как ты сюда попал, где Евдоким и откуда у тебя Проявитель? – он указал хоботом на «Никон».

Пришлось повторить всю мою историю: про комиссионку и странные снимки, про дверь в стене и серого инквизитора. Момент покупки «Никона» слушателей чрезвычайно заинтересовал. Дело в том, что когда с фотоаппаратом в руках я развернулся в узком проходе, то влетел со всей дури носом в стеллаж. Закапал кровью рубашку и камеру, а продавец стал ворчать, что теперь-то я ее купить обязан, а он даст мне скидку за

травматизм...

– Ну, вот она, жертва, – удовлетворенно произнес Никодим. – Видишь ли, чтоб Проявитель заработал, нового владельца надо инициировать. А тут вышла стихийная жертва – кровь, видать, у тебя хороша.

Девушка-нежить взглянула с возросшим интересом.

– На гемоглобин не жалуюсь, – буркнул я и всякий случай отодвинулся.

– Стоп, – сказали головы. – Если это не часть плана, что ж ты нас сдал, тогда, гад?

– А я знал, кто вы и что? – огрызнулся я. – Она вообще паутину тянула, – я кивнул на Магду.

– Не тянула, а вытягивала, – обиделась та. – Мортово заклятье снимала, между прочим. И не успела...

– Ладно... Студент, – сказал Никодим. – Давай думать, как выбираться? Прошлый раз ты дверь на снимке увидел, теперь – как?

Я повертел фотоаппарат.

– Почему они его не отобрали?

– Побоялись. Придут за имуществом, когда ты сдохнешь, – хохотнул карлик.

– Собственность тут уважают, – подтвердил Никодим. – Какой мир, а? Жалко уходить. Стихийная магия, зверюги геральдические стадами бегают. Тут тебе и огнегривый лев, и синий вол, и прочие единороги. А люди – это ж песня! Один дурачок-самоучка есть... как пойдет поленьями левитировать – закачаешься.

– Ребята, – осторожно сказал я, – вы меня простите, конечно. А сами-то вы – кто будете? Такие разные...

Собеседники помрачнели.

– Знаешь, самым интересно, – доверительно сказал карлик. – Вот все бы отдал, чтобы узнать – кто. Возможно, студенты, как ты. Или...

– Хватит, Тор, – резко сказала девушка, – Потом обсудим. Витя, нам нужен выход.

– А чего вы насквозь тюрьму не пройдете? – задал я давно висевший на языке вопрос.

– Нафига? – вспыхнул Никодим. – Чтобы оказаться в соседней камере?! Да я хоть все стены этого долбанного герцогства насквозь пройду, а к дому ближе не стану!

– Насквозь пройти – не вопрос, – сказала Магда. – А дверь открыть – совсем другой

расклад. Не тяни, Витя.

– Может, вы сами? – я протянул фотоаппарат. – У меня опыта мало.

Все трое отступили на шаг.

– Нет уж, спасибо, – ответил карлик. – Он на тебя настроен. А меня долбанет так, что мало не покажется. Хотя, если тебя убить...

– Все, уже работаю! – я схватил «Никон».

Дверь оказалась на стене под окошком. Компания сгрудилась за моей спиной. Я провел ладонью по каменной кладке, и очертания стали четче. Из-под щели бил яркий свет.

– А он ничего, дело знает, – громко шепнул Никодим. – Действуй, Витя!

И я толкнул, почему-то рассчитывая оказаться на тюремном дворе. Но пейзаж был иным.

Мы стояли на широком помосте, увитом виноградной лозой и цветами. Шагах в пяти от нас на троне сидел разряженный, как новогодняя елка, мужчина. Его одежда сверкала драгоценным шитьем, а на голове красовалась корона.

Плотные ряды стражников отделяли помост от толпы. За ними, сколько хватало глаз, шумело людское море.

– В праздник урожая вляпались, – сквозь зубы прошипел Никодим. – Ай да Витя, ай да молодец.

Ликующие возгласы сменились гробовой тишиной. Человек в короне медленно повернулся. Стража вскинула арбалеты.

Человек растянул губы в улыбке и зычно воскликнул:

– Князь приветствует духов непогоды!

Толпа взревела. Мои спутники заулыбались и замахали руками. В нас полетели венки из душистых цветов.

– Кажись, обошлось, – шепнул я карлику, не переставая махать и улыбаться.

– Как сказать, – сквозь оскаленные зубы прошипел он в ответ, – духов непогоды тут принято сжигать на костре в конце праздника. В огне осеннего глинтвейна. Вон, видишь, котел за помостом?

Я взглянул. В эту емкость поместился бы упитанный мамонт, если б устроителям

пришло в голову сварить бульон. Повара сыпали в котельное чрево пряности и лили вино из огромных плетеных бутылей. Вид у них был окосевший – винные пары давали о себе знать.

Такой порции пойла хватило б, чтобы свалить с ног мой родной третий курс с деканатом включительно. А они крепкие ребята, уж вы мне поверьте.

Удивительно, что стража не охраняла этот лакомый для пьяниц объект. Через секунду я понял, почему: рядом с котлом, на цепи, мирно положив голову на чешуйчатые лапы, дремал дракон. Ну, я думаю, что это был он: как по-другому можно назвать зеленую ящерицу размером с КАМАЗ?

– Линять надо, Витя, пока не поджарили, – осклабившись, сказал Никодим.

Я поднял фотоаппарат и навел его на помост: а ну как в досках окажется люк?

– Не смей! – слышался голос.

Морт, предатель в серой рясе, указывал на нас арбалетчиком.

– Линяем, – завопил Тор во все глотки и прыгнул с помоста прямо к котлу.

Мы рванули следом.

Князь удивленно развернулся. Там, где только что раскланивались духи непогоды, в щелястом настиле весьма недвусмысленно торчали стрелы.

Никодим несся к котлу, орудуя хоботом, как тараном. Тор размахивал отобранной у стражника алебардой, а наша бледнолицая спутница делала руками какие-то пассы, от чего воздух над ее головой искрился, а стоящие на пути люди разлетались в разные стороны. Следом поспешал я, недоумевая. Куда мы? к котлу? А зачем? Утопиться в нем добровольно?

– Навались, – заорал Никодим и схватил драконову цепь.

Я бросился помогать. Ящер приоткрыл глаза и откашлялся. Из пасти вылетел огонек цвета газовой горелки. Вокруг свистели стрелы.

– Хороший мальчик, – Магда потрепала его по морде. – Ну что вы возитесь? – взревела она нам.

Мы рванули. Карлик оперся спиной за стойку крепления, на которой держался котел.

– И – три! – заорал Никодим.

Цепь трещала. Но первой не выдержала стойка. Котел опрокинулся, и пенное ароматное варево хлынуло на землю. Воздух наполнился винными парами. Настроение

стремительно улучшалось.

Стражники отпрянули. Толпа же напирала: всем хотелось увидеть финальное шоу праздника урожая. Краем глаза я заметил, как серый Морт отдавал распоряжения группе арбалетчиков.

В ту же секунду вопль, тихий, как выстрел Петропавловской пушки, и приятный, как скрежет металла по стеклу, заглушил на миг шум и крики.

Орал дракон. Разлитый кипящий глинтвейн добрался до него и ошпарил бедолаге хвост. Ящер встал на дыбы, не переставая верещать, и железная цепь была выдрана из земли с корнем. Обиженная рептилия тяжело расправила крылья и взяла вертикальный старт, не удосужившись сбросить лишнюю ношу. Это здорово облегчило нам жизнь, потому что ношей той оказались мы трое, висящие на цепи, и Магда, которая в последний момент вцепилась карлику в ноги.

Дракон описал широкую дугу, подставив нас под стрелы арбалетчиков, которые, к счастью, не достигли цели, потом мстительно плюнул огнем в котел, от чего остаток вина моментально вскипел, и потянулся вверх, набирая высоту и унося нас из города прочь

Можно, я не буду описывать этот полет? Я многое отдал бы, чтобы его забыть. Из познавательных моментов отмечу только один: оказалось, что кроме клаустрофобии, мать-природа наградила меня еще и высотобоязнью. Когда спустя четверть часа обиженный ящер добрался до моря и сбросил на безлюдном пляже, мне понадобилось время, чтобы прийти в себя.

Мы валялись на песке. Двигаться не хотелось.

– В принципе, я тоже студент, – говорил Тор. – Надеюсь. Пару сезонов назад застрял тут на практике. Знаешь, как оно бывает: откладываешь до последнего, и вдруг – бац! ничего не готово. Отписал заявление в деканат, взял академку.

– Тут, в этих краях, можно столько материала нарыть, – сказала Магда, – особенно по зверушкам. Видал, как этот зелененький меня слушал? Еще чуток – и я драконологию сдам с закрытыми глазами.

– Экстерном, – кивнул я. – Угу.

Магда прищурилась. Чтобы сгладить бестактность, я спросил:

– А что за балаган вы в храме устроили?

– А у них там портал. Во внутренних покоях, куда тело после отпевания помещают. Древний канал, раньше практиканты им пользовались. На голосовые вибрации настроен. Когда погребальные псалмы поют, он активируется. Зашел – выйдешь в нейтральной зоне, а там уже и до дома рукой... раз в сезон мы одного из наших и отправляли. Чаше нельзя – Морт пасет. Неместных нюхом чует. То ли дар у него, то ли кто стучит...

– Понимаешь, формально нам тут нельзя, – сказал Никодим. – Заповедник же, экосистема нарушается. Но преподы закрывают глаза на многое, если привозишь отсюда материал. Главное – не спалиться. Но это легко: мимирию и стенохождение еще на первом курсе проходят. Сначала весело было. А теперь, – он задумался, чертя хоботом на песке руны, – домой пора. Послали Евдокима. Проявитель в Универе выклянчить... ну и за пивом заодно. Озвереешь без пива, тут только вино.

– А вы похожи с ним? – спросил я.

– Близняшки, – Никодим улыбнулся.

– Видел я его, кажется, – ответил я, и рассказал ДПСнику с Московского проспекта.

– Бабло значит, с водителей рубит, – вздохнул Никодим, – ну-ну. Этот – не пропадет. Ладно, теперь бы домой добраться. Давай, Вить, еще раз попробуем.

– На вашем месте я бы на него не рассчитывал, – раздался голос.

На пригорке стоял Морт. Пики стражников за его спиной золотились на солнце.

– Не дергайтесь, – серый человек желчно усмехнулся. – Раз вы такие шустрые и умеете ходить сквозь стены – увы. Я не буду строить для вас зачарованную темницу. Дорого и ненадежно. Чтоб не разорять казну, я буду вынужден вас убить.

– А может быть, отпустить? – я услышал собственный голос. – Мы и так собирались уйти. Просто дайте нам пару минут, и больше вы нас никогда не увидите.

– Не будет вас, придут другие, – сказал Морт. – А я хочу оставить этот край в неприкосновенности. И мечтаю об одном – чтоб чужаки никогда не ступали на эту благословенную землю.

– Мы сами уйдем, и другим накажем, – сказал Тор. Я видел, как он незаметно подгребает ногой поближе к себе увесистый сук, – Вить, не тяни! Поехали.

– Не шевелиться, – приказал Морт. – Никто не покинет этого берега, – и взмахнул рукой.

Время растянулось, ворочаясь вязко, как муха в янтаре. Я видел, как медленно

опускалась рука Морта и синхронно поднимали арбалеты стражники. Заметил, что на воде играет бликами закатное солнце, и даже стрелу, летящую прямо в сердце, успел разглядеть. Миг растягивался, отмеряя последние секунды жизни.

И вдруг – остановился.

В воздухе висели стрелы. Воины не успели опустить оружие. Застыл в прыжке Никодим, сбивая Магду с линии огня, не успел опустить руку Морт. Я смотрел на пестрое оперение висящей у сердца стрелы, не в силах пошевелиться.

Прямо из моря к нам выходил человек в строгом костюме и безупречно начищенных штиблетах. К правому ботинку прилипла водоросль, и человек брезгливо смахнул ее носовым платком.

Неодобрительно оглядел мизансцену, сделал легкий жест. Стрелы попадали.

Человек повернулся к Морту:

– Эту благословенную землю, – передразнил он. – Неплохо для эколога-недоучки.

Он щелкнул пальцами. Серая одежда Морта, жесткое лицо и амулет на шее исчезли. На пляже стояло, потупив голову, коренастое мохнатое существо в коротких шортах. Его массивные ноги были босы, маленькие глаза из-под нависших бровей смотрели насторожено.

– Орк, чтоб мне сдохнуть, – воскликнул Никодим.

– Морт, вам не кажется, что ваш академический отпуск несколько затянулся? – сказал человек с издевательской любезностью. – А то, что вы готовы охранять свой покой ценой жизни других студентов, выходит за всякие рамки. Я не говорю уже о несданных вовремя библиотечных книгах!

Орк потупил голову.

– А вы, вы, и вы, – он обратился к моим друзьям, – идете со мной. – У меня, чтоб вы знали, есть масса других дел, кроме как разбираться с заявлениями обеспокоенных родителей.

– С восторгом, профессор, – выпалил карлик.

Магда прошептала:

– Домой! сауна с жидким азотом, плинг, маски из розовых лепестков...

– Вынужден забрать у вас Проявитель, инвентарный номер 1792-дк, – обратился профессор ко мне.

Не без сожаления я протянул фотоаппарат.

Носком штиблета он нарисовал на песке прямоугольник и сделал приглашающий жест:

– Не смею вас задерживать.

Я обернулся к друзьям.

– Бывай, Витя! Будешь в наших краях – забегай!

– Букет ромашек Сереже на кладбище отнеси, – шепнула Магда и поцеловала меня в щеку.

Я махнул им рукой на прощанье и вступил в портал.

Утро встретил на пороге деканата:

– Иван Андреич, можно забрать заявление?..

– Забрать? – замдекана долго смотрел на меня из-под очков. – Ладно. Но чтоб через две недели сдал все хвосты!

В его начищенных штиблетах искрилось солнце.